

У меня трое детей. Двоих рожала, одного только растила. Старшему сыну Ване уже двадцать семь, из которых шестнадцать он провел рядом со мной. Для меня он по-прежнему тот самый одиннадцатилетний мальчик, который когда-то сказал своему отцу, чтобы тот на мне женился. Среднему, Васе, скоро будет тринадцать. Подросток в расцвете. Младшей дочери Серафиме — четыре года. Залюбленная, избалованная красавица, позднее папино счастье.

Сразу скажу — я ничего не понимаю в детях. У меня нет психологического или педагогического образования, чтобы в них понимать. Я даже не пыталась разобраться в этих существах, в которых есть мои черты. Я их просто люблю. До безумия, до дрожи в руках и помутнения рассудка. Безоговорочно.

Имею ли я право давать советы? Нет, конечно. Никакого. Всегда ли я поступала так, как надо? Если бы мы, родители, знали, как надо...

Читала ли я книги по детскому воспитанию-питанию-образованию-развитию? Читала. Помогло ли мне это? Ни разу. Ни в одной из ситуаций.

Испытывала ли я комплекс неполноценности как мать? Да каждый день, стоило только выйти из дома. На протяжении вот уже шестнадцати лет. Сначала мне задавали бесконечные вопросы про старшего сына — а почему он с вами, а как вы его приняли, а кем вы ему приходитесь, а как согласились? Потом про среднего — почему плохо говорит, почему много говорит, почему ходит в эту школу, а не в другую, почему вы ему это позволяете, почему это не позволяете? Теперь переживаю все проблемы детской песочницы уже с дочкой.

Вот именно поэтому я и хотела написать эту книгу — для тех, кто ничего не понимает в детях и не знает никаких рецептов воспитания. Для тех мам, которые устали от советов и хотят только одного — чтобы дети выросли счастливыми.

В этой книге — истории. Мои, чужие, разные. О детях, о родителях, бабушках, педагогах... Я специально рылась в книгах и в Интернете, собирая советы «профессионалов»: как поступить, как себя вести, как действовать. И сразу же вспоминала, как в этом случае сама вела себя. Конечно же, не так, как положено.

Да, я дурная, заполошная, суматошная, тревожная, непоследовательная, истеричная мамаша. Но за ребенка — любого, и своего, и чужого, — я отдам жизнь, сердце, печень, душу, все, что у меня есть. Потому что только ради их счастья живу и дышу. В прямом смысле слова. А еще улыбаюсь. Каждый день.

Папина дочка. Как себя вести?

Принято считать, что все отцы мечтают о сыне — чтобы играть с ним в хоккей, ходить на рыбалку, разговаривать по-мужски... Это миф — отцы мечтают о дочке. «Эта женщина будет любить меня всегда», — сказал мой муж, когда взял дочь на руки.

Психологи в один голос утверждают, что от того, как складываются отношения дочери с отцом, зависит ее будущая личная жизнь. А еще говорят, что дочери больше любят пап, чем мам. Что для них отец важнее матери во всех смыслах — именно с отцами девочки скорее делятся секретами. Что должны делать папы? Каждую минуту, нет, желательно каждую секунду воспитывать дочь — она самая красивая, самая ласковая, самая-самая. И тогда у девочек будет

правильно формироваться самооценка. Папа для девочки — идеал мужчины, и мужа она будет искать, разглядывая в нем черты отца.

Не знаю, правда это или нет. Знаю, что девочки очень тяжело переживают уход отца. И дочка — самый тяжелый якорь, который держит мужчину в семье, даже если он давно собрался уйти. Знаю, что дочери всегда остаются папиными и никогда не бывают мамиными. Даже термина такого нет. Бывают маменькины сынки. И мальчики, да и мужчины действительно более привязаны к матерям, чем к отцам, несмотря на пресловутую рыбалку.

Да, мужчине для полного счастья просто необходима дочь. Это мое твердое убеждение. Дочери удается то, что никогда не удастся жене: научить папу обращаться с женщиной — понимать ее настроение, взгляды, намеки, предугадывать желания и потакать капризам. Потому что если этой девчушке в чем-то откажешь, то она сделает огромные глаза, которые через секунду наполнятся такими горячими слезами, так тяжело вздохнет, что у папы просто остановится сердце, и он побежит, бросится,

кинется, достанет луну с неба, лишь бы угодить этой маленькой актрисе, которая, конечно же, немедленно высушит слезы и будет наблюдать за папой, но так, чтобы он не заметил.

Один знакомый папа двух дочек-погодок — пяти и четырех лет — рассказывал, как купил совершенно одинаковых плюшевых собачек, специально проверил, чтобы пятнышки были на одном месте, хвосты одного размера и уши чтобы торчали в одну сторону. Потому что, если хоть что-то не совпадет, дочери закатят истерику, утверждая, что у другой — собачка лучше и плюшевее.

— Ты представляешь, они их различают! По лапе! У одной на лапе пятно на миллиметр больше, чем у другой! Так они еще решили, что одна собака — девочка, а другая — мальчик. И теперь младшая требует, чтобы я тоже купил ей собаку-мальчика, а старшая требует собаку-девочку. Каждый вечер они приносят мне своих собак и показывают различия. И что интересно, жена тоже считает, что собаки разные, только я этого не вижу! Я вижу ужасную китайскую шерсть, которая уже начала вылезать! Зачем я вообще их купил?

Я вырвалась вечером в гости. Прошло десять минут, как я вышла из квартиры. Звонок мужа.

— Где ее очки?

— Какие очки?

— Солнечные!

— Посмотри в ее шкатулке.

— Как она выглядит? И где стоит? — Муж срывался на крик, на заднем фоне уверенным рыданием заливалась дочь.

— Шкатулка — это такая коробка. Там сверху нарисована принцесса и замок.

— Где сверху?

— Так. Просто посади ее на подоконник и объясни, что сейчас ночь и солнышко ушло спать, поэтому солнечные очки ей не нужны.

Звонок через пятнадцать минут.

— Она что-то требует! Я не понимаю! Я все сделал, как ты сказала! Но теперь она опять что-то ищет. И она заплакала, когда сходила в туалет! У нее что-то болит? Она сидит на унитазе и отказывается слезать!

— А кто нажимал кнопку слива?

— Я, конечно.

— Вот поэтому она и плачет. Это она должна была нажать на кнопку. Поэтому она хочет еще

раз пописать, чтобы самой нажать. И если она ищет не очки, то точно маску для сна.

— А это что такое?

— Штука такая на резиночках. Ни в коем случае не давай ей синюю, только розовую, с бабочками! Она думает, что это ободок или просто украшение.

Звонок еще через пятнадцать минут.

— Она не хочет ложиться спать в свою кровать! — Муж уже в истерике. — И ты сказала, что в холодильнике стоит гречка. Но там ее нет!

— На второй полке. Стоит прямо перед тобой. Вы ничего не проливали? Не рассыпали?

— Хлопья рассыпали.

— Значит, дай ей ее детскую швабру и совок. Стоят за шкафом. Пусть она ляжет с ними. Потом уберешь.

— Она не хочет надевать ночную рубашку, которую ты выложила!

— Значит, дай ей пижаму с зайчиками.

— Я дал ей пижаму!

— Какую? С клубничками? Это очень важно. Если она хочет зайчиков, то дай ей с зайчиками.

Но все это покажется ерундой, если послать папу в магазин за детскими сандаликами, плащи-

ком или носочками. Главное — разбирая пакеты, не смотреть на ценники. Потому что папа нашел самый дорогой магазин в огромном торговом центре и купил самые дорогие вещи, которые там были. Первое желание — пойти и все сдать. Но после того, как дочь надевает обновки — совершенно ненужное бальное платье или атласный халатик, причем одно на другое, — и ложится в этом спать, совершенно счастливая и уверенная в своей неотразимости, желание сдавать вещи отпадает само собой. А еще дочь подходит к папе и целует его в щеку. После этого папа становится пластилиновым и готов опять ехать в магазин покупать новые наряды.

Я несколько раз пыталась проделать то же самое — и в щеку целовала, и по дому в новых сапогах ходила, но такого эффекта не добилась ни разу.

При этом дочери, как правило, оказываются точными папиными копиями. Вот моя Сима по утрам ведет себя точно так же, как ее отец. Он двадцать раз должен проверить, взял ли мобильный, ключи от дома, ключи от кабинета, бумажник, зонтик и прочее. Может пару раз вернуться, если что-то все-таки забыл. Сима, уходя на занятия, склады-

вает в рюкзак жизненно необходимые ей в дороге, занимающей десять минут, вещи — одну конфету, две баранки, упаковку бумажных носовых платков, недавно подаренный диск с мультфильмами, плед, который она никак не может поделить с братом, куклу и новые туфли. Если что-то забыто, то Сима аккуратно и методично достает все из рюкзака, проводит ревизию и начинает складывать заново. Столь же методично она раскладывает свои вещи по местам — заколки в шкатулку, джинсы на полку. И тут же забывает, куда что положила. А уж если она решила, что платье — ее любимое, то будет ходить в нем и днем, и ночью. Папа поступает точно так же, затаскивая любимые штаны до пузырей на коленях. И точно как дочь может потерять футболку на специально выделенной полке в шкафу.

Мой знакомый вместо собачек принес дочкам двух совершенно одинаковых кукол, умеющих плакать, писать и ложиться спать. Но его дочери выяснили, что куклы плачут не одновременно, а с интервалом в долю секунды, писают не равным количеством воды и закрывают глаза не синхронно. И теперь ждут от папы новых подарков.

— Они вдвоем обняли меня с двух сторон, поцеловали и тут же начали ругаться, кто больше

любит папу. И весь вечер целовали меня, стараясь сделать это в один и тот же момент. Потом обе чуть не подрались в ванной, споря, кого я должен первой доставать и заворачивать в полотенце. И ты знаешь, я наконец понял, что с ними лучше не спорить. Жена говорит, что ей на это понадобилось десять лет совместной жизни, а детям — один вечер.

Я вернулась из гостей. Дочка спала с детской шваброй в обнимку, обмазанная шоколадом. В кровати валялись фантики из-под конфет. Муж тоже сладко спал, держа в руках волшебную палочку принцессы. На голове у него были крылья феи, а на глазах — розовая маска для сна, украшенная бабочками.